

Разгадавший древние знаки

В художественном музее продолжает работу персональная выставка Владимира Агеева, интересного и неповторимого художника. Автор многочисленных уникальных графических листов и крупномасштабных живописных полотен, в которых ярко отражается история чувашского народа, отмечает в этом году 80-летие.

ХЛЕБ ИСКУССТВА

Художник начал размышлять о смысле человеческой жизни после разговора с дедом. Разговор оказался судьбоносным: внук выбрал профессию творца-демиурга. А было ему тогда три года. Окончив деревенскую семилетку, поступил в художественное училище, где отчаянно голодал без стипендии и поддержки: отец-инвалид вскоре после войны умер от ран, а матери к тому времени уже не было. Приходилось ночевать в самых темных углах и немислимых закутках знаменитого дома Соловцова, отданного музам. Привычный к бедности юноша Агеев даже прятался от людских взглядов, в миниатюре частной жизни повторяя печальные изломы судьбы чувашского народа. Отрадой были занятия по рисунку и живописи с замечательными педагогами Евгением Бургуловым, Моисеем Спиридоновым, Иваном Григорьевым — они основательно учили ремеслу. Никита Сверчков восхищал национальным колоритом в картинах «Волжские бунтари», «Насильственная христианизация чувашей», «Приезд А.С. Пушкина в чувашскую деревню». В местной художественной галерее выставлялись некоторые полотна опального Юрия Зайцева, «символиста в красках». Поэтому Владимиру Агееву было на кого равняться. Картина Зайцева «Акатуй» привлекала тогда начинающих художников динамикой света, цвета, композиции, живостью и разнообразием человеческих характеров. А склонность старейшины чувашского искусства к мистике, иным измерениям раскрепощала фантазию юных, готовя к свободе будущего творчества.

ПОДНЯТЬСЯ ДО СИМВОЛОВ

Диплом училища обязывал отработать школьным учителем в глубинке. Тут Агеев стал свидетелем склок педагогического коллектива за классное руководство, учебные часы и ставки в ущерб обучению, воспитанию детей, которых было искренне жаль. Сменив несколько сельских школ, ему удалось вернуться в журнал «Капкан» и рисовать в счастливом упоении буквально сутки напролет.

— За уши было меня не оттащить от работы, — говорит художник, — любил карикатуру больше хлеба, женщин и денег.

В книжном издательстве он едва успевал выполнять заказы во всех жанрах, от сатиры до высокой эпики. Так незаметно оттачивалось «рукомесло», индивидуальная манера, стиль

и художественно-пластический язык в русле так любимой местными редакторами академической школы фигуративной живописи и графики, весьма далекой от своеобразного совершенства чувашского народного искусства, сохранившегося в артефактах.

В. Агеев ясно понимал, что необходимо как-то подниматься до интеллектуальных достижений предков, умевших обозначать в изображениях даже философские категории. Например, добро и зло трактовались белым и черным цветами. Оттенки строго определенных цветов солнечного спектра от подола девичьей чувашской рубахи до купола тухьи (головного убора) были границами земли и неба, знаками-оберегами в освоенном мире, архетипами духовной жизни. В символике узорчатых рун национального костюма были зашифрованы тайны древнего обрядоведения, фольклорно-мифологические представления, а также злободневные сообщения, по изящной графичности сравнимые с рельефными украшениями на сосудах Месопотамии и Древнего Египта. Было очевидно первородное единство «узоров письма» с восточными иероглифами.

РОДНЫЕ ПЕГАСЫ

Философская графика В. Агеева целиком выросла из чисто национальных аллюзий и ассоциаций. Уникальная ювелирность, бесконечное разнообразие фактуры вызывают ответные чувства восторга и удивления: даже едва заметный, затерявшийся в общей структуре холста, ватмана или торшона элемент рисунка дышит мощью искренней любви художника к некогда родной и единой для нас флоре и фауне. Люди и звери, боги и демоны, киремети и сатиры, пегасы и кентавры оживают под рукой Агеева, преломляясь на особый, чувашский лад.

Благодаря творческим достижениям художника, чувашское изобразительное искусство обрело адекватную народному самосознанию форму, высокую поэтичность, образность и подлинную самобытность. Поэтому сегодня можно говорить об уникальности, например, не только японской графики, персидской миниатюры, русского Палеха или византийской иконы, но и чувашского изобразительного искусства. И молодым художникам надо бы не стесняться, а гордиться нажитыми историческими мозолями и морщинами. И по примеру Владимира Агеева вносить личный вклад в культуру родного народа.

М. ВОРОБЬЕВ.